

В день Лабы в Цзянькане начался сильный снегопад. Прошло совсем немного времени, прежде чем похожие на перья снежинки покрыли пустынную картину разрушенного города под тяжестью снега. Карнизы и стены были сломаны, а обугленные деревянные столбы издавали звук зизи. , Погасшая последняя искра на ветру и снегу.

Быстрый стук подков раздался в сожженной дотла каменной аллее. По аллее галопом пронеслась группа рыцарей. От поднятой ими пыли люди, осматривавшие руины, прикрыли носы и рты и отступили назад.

"Кто это?" - нетерпеливо махнул рукой мужчина.

"Ты хочешь умереть?" Другой человек поспешно прикрыл рот и прошептал: "Я не видел доспехов? Красные и серебряные доспехи, армия ракшасов! Это место было сожжено ими, семья Муронг, семья Чжао, все эти аристократические семьи стали теми, кем они являются сейчас!"

"Чего ты боишься? Люди из семьи Линг никогда ничего не делают простым людям", - другой мужчина посмотрел на кирпичи на земле, и сказал с презрением в голосе: "И их обычная большая семья не сдвинется с места, ты не видел этих Торговцев, как быстро открывается дверь?". Бояться надо тех, кто недоброжелательно относится к богатым. Если я скажу, этих людей надо убить, и всех их надо убить!"

Голоса нескольких человек были немаленькими. Когда ветер донесся до передней команды лошадей, Гао Лю не мог не посмотреть в сторону человека рядом с ним, который был полностью закутан в плащ, затем повернул голову назад, с улыбкой на уголке рта.

На востоке города Цзянькан также находился большой жилой район. Один из особняков, из которого сбежала семья, был реквизирован и использовался в качестве временного командного пункта для армии семьи Линг, здесь же располагался официальный офис Хэ Ли.

Увидев множество мягких кресел-седанов, припаркованных у двери, кучу людей, столпившихся у двери и разговаривающих с охранниками, Така Лю нахмурился, ускорил свою лошадь и крикнул: "Что вы делаете?".

"Генерал Гао!" Стражник у двери выглядел как спаситель и громко сказал: "Эти люди должны отправить своих дочерей в особняк, сказав, что они служат служанками у генерала, и их нельзя прогонять!"

"Как могут быть бездельники перед военной державой? Если вы не уйдете, их всех убьют как шпионов!" сказал Гао Лю глубоким голосом. Злой дух в его голосе удивил людей. Он посмотрел на доспехи на своем теле и на людей позади него, и крикнул. „Ран!

Бросив поводья приближающимся стражникам, Гао Лю спрыгнул с коня и с глубоким лицом сказал стражникам с обеих сторон: "В будущем появится такой человек, просто прирежьте его!".

"Да!" Стражники с обеих сторон громко ответили, встали прямо и ждали, пока пеший Гао Лю въедет, прежде чем вытереть пот со лба, а затем крикнули Сунь Тину, сжавшемся в переулке, и прощупали его голову: "Я слышу тебя, приходи снова, просто режь людей напрямую!".

Сунь Тин втянул голову, краснорукий генерал был полон удушья, а краснорукая и серебряная армия ракшасов позади него заставляла людей трепетать с первого взгляда. Казалось, что

отправить его к двери будет невозможно.

Торопливо шагая по хорошо сохранившемуся двору, не думая о том, чтобы полюбоваться прекрасными пейзажами по обе стороны, группа быстро и срочно направилась во внутренний двор.

Увидев капитана Хэ Ли, стоящего у двери, Гао Лю поднял брови, а капитан сказал низким голосом: "Генерал выгнал нас. Нам не разрешено оставаться внутри".

Опять? Такаянаги бессознательно посмотрел на человека, стоявшего позади него.

Увидев, что капитан собирается войти и передать пропуск, человек, стоявший за Гао Лю, поднял руку. Гао Лю остановил капитана и сказал: "Нет, мы войдем сами."

Ты не используешь его".

Хотя шаги были облегчены, тяжелые ботинки все еще издавали тонкий звук, когда наступали на снег, но внутри не было никакого ответа? Глядя на человека, стоявшего позади него, Гао Лю подошел к главному дому. Как только он подошел к двери, он услышал стон, это был болезненный крик, который невозможно было подавить.

Рука Такаянаги слегка дрожала. Люди, стоявшие позади него, уже переступили через него и открыли дверь через щель. Через щель между ними был виден экран. На земле, дрожа, свернулась в клубок тонкая фигура. Вместе с конвульсивной дрожью тела неудержимо вырывались стоны.

Увидев, что мужчина с восклицанием бросился к нему, Гао Лю сделал небольшую паузу, прежде чем встать за ширму.

Боль исходила изнутри тела. Резкая и интенсивная боль продолжала вторгаться. Тканевые полотенца во рту были прокушены, а рукоять поясного ножа, приставленного к животу, глубоко вдавилась в мышцы сквозь толстую зимнюю одежду. Уменьшить боль по-прежнему не удавалось.

Выплюнув матерчатое полотенце во рту, Хэ Ли укусил его за запястье. Эта атака была слишком интенсивной и долгой, из-за чего он почувствовал, что его разум начинает затуманиваться, иначе как бы он мог видеть это сердце и разум, но определенно не должен быть здесь. Люди.

Мечтаешь? Я так запутался, что даже начал мечтать? Когда мужчина бросился вперед, протянул руки и обнял, Хэ Ли слегка улыбнулся, отпустив его запястье, и не смог удержаться, чтобы не испустить болезненный крик, а затем прошептал: "Цинъюй, не уходи. Даже если тебе снится сон, не уходи".

Капля слез упала, так горячо, так горячо, что он привычно укусил свое запястье от сильной боли, которая ударила снова, но его место назначения было накрыто холодной рукой, а затем Прохладные губы заблокировали его **** губы.

"Цин Юй..." Глаза Хэ Ли закатились, а затем он обнял человека в заснеженном плаще и поцеловал его в ответ. В сильном сплетении его тело болело.

Боль, казалось, была забыта им.

Это было лишь мгновение забытья, и последовавшая за ним более сильная боль заставила его отпустить ее, крепко положить руку на живот, согнуть тело и сильно прикусить нижнюю губу. Он крепко задумался. Он успокоил дрожь своего тела, понимая, что то, что он хотел скрыть, он боится, что больше не может это скрывать, но он не хотел показывать этот смущенный вид перед ней.

"Хэ Ли!" Позвав, Линь Цинъюй достал лекарство из сумки с медикаментами. Алан сказал, что потенция этого лекарства слишком сильна. Если вы будете ждать, пока лекарство станет бесполезным в любой день, это будет исчисляться днями. Не используйте его в крайнем случае.

Лин Цинъюй все еще колебался. Хэ Ли уже взял лекарство из ее рук и положил его в рот, задыхаясь, сидел на земле, опираясь на кровать. После того как боль от лекарства начала подавлять его, он поднял глаза и посмотрел на фигуру за экраном. .

"Така Лю?" Его голос был хриплым, низким и дрожащим, и Гао Лю ответил с дрожью: "Да!"

"Приходи позже..." После паузы, когда его дыхание немного стабилизировалось, Хэ Ли прошептал: "Ничего не говори, никто не сможет этого сделать!".

Гао Лю на мгновение замолчал, склонился в приветствии, ответил низким голосом, повернулся и вышел из двери, покачал головой на людей, стоящих у дверей двора, и посмотрел, как Е Фэй обнял меч на крыше и пошел к своему двору.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2570581>